

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

ЯДОВИТАЯ
ПРИМАНКА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.
К60 Ядовитая приманка / Владимир Колычев. —
Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-229404-4

У опера из Пензы лейтенанта Рема Титова погибла гражданская жена Раиса. Женщина приехала в Москву, чтобы сделать искусственное оплодотворение, и стала жертвой психа-одиночки. Убийцу задержали, поместили в спецбольницу, но через неделю при странных обстоятельствах он скончался. Титов в недоумении: почему именно его жена стала жертвой ненормального? Возможно, это случилось не просто так и кто-то имеет зуб на лейтенанта или его родных... Сыщик приезжает в Москву и устраивается на службу в органы. Но криминальная столица просто так свои тайны не выдает. Рему придется дорого заплатить, чтобы разобраться в последующих кровавых событиях...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229404-4

© Колычев В.Г., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Небо — взбитый коктейль из кисельных облаков с тонкой светлой прослойкой над излучиной реки. В углу движущейся панорамы, обрамленной рамой окна и березовыми рощами, — замысловатый узор из ветвей одинокого дуба. Поезд разогнался, река за окном приближалась, пока не нырнула под арку моста, перед глазами пронесся болотистый, в камышах берег, мерцающая рябь на воде, крутой подъем на взгорок, потянулся сосновый бор за придорожным подлеском. Вода, деревья, настоящее — все теряется в прошлом, безвозвратно исчезает во времени. А чай пока остается, подрагивает в подстаканнике, ложечка дребезжит, свисает нитка пакетика, покачивается бирка.

Вот так же болтался номерок на пальце Раисы, когда ее вынимали из холодильной камеры. Воспоминания свежие и такие же тяжелые, как трупный запах в морге, мышцы желудка напряглись, создавая ощущение легкой тошноты. Рем поморщился, ложечкой сбросил в стакан бирку чайного пакетика.

Раиса работала врачом скорой помощи, за пятнадцать лет в каких только переделках не побывала, то бандиты раненого добить попытаются, она в эпицентре, то грабители заложников захватят — кого-то из них подстрелят, а ей спастись под прицелом пистолета. И ничего, беда обходила стороной, а в Москве свалилась как снег на голову. Причиной смерти стал плащ красного цвета, у психопата такой носила ненавистная жена. Этот ублюдок набросился на Раису прямо на улице, несколько раз ударил ножом под сердце, хотя хватило бы и одного. Раиса возвращалась в гостиницу из медицинского центра. Прошла лечение, получила направление на экстракорпоральное оплодотворение, выбрала ведущую клинику, где реально могли помочь, подошла ее очередь, она приехала в Москву на консультацию с врачом, получила одобрение, назначили время, и вдруг все пошло прахом.

Убийца скрылся, люди видели его в лицо, сразу за остановкой камера, казалось бы, взять преступника — дело простое, тем более что он состоял на учете не только у психиатра, но и в полиции. И тем не менее сразу задержать его не удалось. Личность убийцы установили — некий Бутов, но психопата не оказалось дома, его подали в розыск, прошел день, два, а расставленные силки так и оставались пустыми. Рем вмешался, и следователя поторопил, и с оперативниками сцепился, едва не подрался с одним умником. И сам подключился, первым вышел на преступника, даже задержал его. Но в то

же примерно время появились и местные опера, отбили у него Бутова.

Раису похоронили, убийцу заключили под стражу — в ту самую психушку, где он уже проходил лечение. А через неделю он умер, вроде как пациенты повредили селезенку, когда хватились, было уже поздно. Вот и думай, только ли пациенты виноваты, может, они тоже исполняли чью-то волю. И Рем очень хотел бы разобраться с человеком, который мог управлять этими психами. И в первую очередь управлять Бутовым. Рем даже догадывался, кто мог стоять за всем этим. Подозрение гнездилось в сознании, как червь в яблоке, грызло, шевелилось, не давая покоя. А Раису могли заказать, он знал, кто ненавидел ее.

Поезд подъезжал к Москве, из-под моста вынырнула шоссе́нная дорога. Утро, одна сторона стоит, еле шевелится, по другой — машины бегут весело, даже на расстоянии можно почувствовать стыдливую радость водителей от того, что в пробке томится кто-то другой. На окно выплеснулись косые брызги ледяного дождя. Перекрестки, светофоры, высотные дома, торговые центры — все как в родной Пензе, но там городской простор окрылял, а здесь масштабы большие, но душные. Или это от волнения сдавливают дыхание? Чем ближе к центру, тем чаще Рем поправлял воротник...

И на мытом шампунями перроне он сорвал с себя шарф, стало вдруг жарко, не хватало воздуха. Не думал он, что мама будет его встречать,

а она стоит у столба, стройная и прямая, смотрит на Рема, улыбается и думает, думает. О том, почему она здесь, когда ей так некомфортно в шумной толпе. Приезжие сутками тряслись в затхлых вагонах, от них нехорошо пахло, встречающие говорят, кашляют, насыщая атмосферу вокруг вирусами, бактериями, а она чистая, стерильная, вся в белом. Да и сын тоже запылится в дороге, хотя находился в пути всего лишь одну ночь, и одет он плохо, как бы обнять его так, чтобы не испачкать свое дорожное пальто из нежнейшего кашемира. И руки потом неплохо будет протереть спиртом. Думает она, Рем смотрел ей в глаза, мысли в них как строчки в открытой книге. Он превосходно знал свою мать, хотя и терялся в перипетиях ее жизни.

Сорок четыре года Евдокии Максимовне, сладкая жизнь — хороший консервант, красота ее увядала медленно. Глаза красивые и кажутся умными, потому что движение мысли в них не останавливается ни на секунду, и на созидание работает голова, и на разрушение.

Мама успокаивалась, вирусный фон ее уже не ужасал, а просто пугал. Она еще не смирилась с неизбежностью, но уже видела себя богиней, принесшей свое величие в жертву святой обязанности встретить и приветить блудного сына. Видела себя со стороны. Смотрела на Рема, но видела себя. И даже не сразу сообразила, что сын уже подошел к ней и к нему можно не только прикоснуться, но и обнять. А на нем столько скверны из

чуждого ей мира без удобств, где люди не живут, где столько всего, что уже сейчас хочется помыть руки. Но поцеловать Рема можно, если потом быстренько подкрасить губы антибактериальной помадой.

Впрочем, Рем и не тянется к ней, смотрит на маму холодно и отчужденно; с одной стороны, это плохо. Ведь именно для того ей и пришлось пожертвовать собой, своим драгоценным временем, чтобы окончательно растопить лед в отношениях с сыном. Но, с другой стороны, крыша над перроном не рухнет, если они не обнимутся. Рем же должен понимать, что мама ради него готова на все. Ну почти на все...

— Здравствуй!

— Сынок!.. — Мама осторожно коснулась его плеча.

Вспомнила вдруг, как сорвалась в юности в Москву, бросив кроху сына на попечение бабушки. Девять лет не появлялась, жизнь устраивала, Рем рос без отца, без матери, но ее это мало беспокоило. Вышла замуж за пожилого банкира, наконец-то вспомнила о сыне, но к себе не забрала. Стыдилась она своего прошлого, ярким напоминанием о котором Рем оставался до сих пор. Стыд этот притупился со смертью мужа, но Рем успел к этому времени вычеркнуть мать из своей жизни. Повзрослел он, время покрыло черствой коркой саднящую душевную рану, а еще в жизни появилась женщина, которая стала для него второй матерью. Второй после бабушки...

— Рад тебя видеть, — выдавил из себя Рем.

Мама смогла растрогать его своим появлением. Он же не звонил ей, не телеграфировал. Мог купить билет на самолет, но взял на поезд, об этом знал только его уже бывший начальник. От него мама все и узнала. И если она звонила Костецкому, то имела на это право. Это ведь благодаря ей Рем смог получить перевод на новое место службы. Она и раньше пыталась перетащить сына в Москву, даже завела нужные знакомства, но Рем не хотел. И только со смертью Раисы все изменилось. Он понимал, что из Пензы настоящего ее убийцу ему не достать, поэтому и написал рапорт на перевод в Москву. И возможностей здесь больше, и мама будет под присмотром. Самого тошнило от мысли, что Раису могла заказать она, сам не верил в это, но тем не менее он уже здесь, и расследование продолжается.

— Я так тебя ждала. — Мама снова потянулась к нему.

Все-таки решилась она обнять пропитавшегося запахами дороги сына, но вокруг столько людей, толкаются, шумят, не самое лучшее место для проявления даже самых искренних чувств.

— Пойдем!

Она взяла Рема под руку и повела к вокзалу, с каждым шагом все плотней прижимаясь к сыну. Ее водитель, он же телохранитель не сразу последовал за ними, какое-то время он думал, а не забрать ли у Рема дорожную сумку. Видимо, решил не беспокоить гостя, вдруг неправильно поймет

и обидится. Чего уж говорить, Рем и сам умел находить оправдания для ничегонеделанья, это ведь совсем нетрудно.

— Сначала на кладбище, потом домой? — как бы невзначай спросила мама.

— Только на кладбище, — кивнул Рем.

К маме домой он не поедет, даже если очень-очень захочет. Рем и в детстве помощь от нее никогда не принимал, ломал и выбрасывал подарки из Москвы, а уж сейчас тем более не примет. Настырным он рос, гадким утенком, так до сих пор полностью и не оперился. И помощь в переводе к новому месту службы от мамы принял только для того, чтобы посмотреть, как она отреагирует на его просьбу. Служба в Москве — это реальная возможность выйти на заказчика убийства, так он ей и сказал. А она не испугалась, с радостью взялась за дело, хотя знала характер сына. Он ведь не пощадит родную мать, если докажет ее вину... Но, может, мама ни в чем и не виновата.

Водитель забрал у Рема сумку на стоянке перед вокзалом, чтобы уложить ее в багажник «Майбаха». Мама — роскошная женщина, и машина у нее соответствующая, и все вокруг должно быть комильфо. Даже водитель — видный мужчина практически эталонной внешности, высокий, спортивный, правильные черты лица, голливудская улыбка и одет хорошо: дорогой костюм, стильное полупальто, туфли начищены до блеска. У Рема тоже чистая обувь. Пожалуй, на этом список его достоинств заканчивался, во всяком случае внеш-

них. Среднего роста, худощавый, плечи узкие, и фигура нескладная, и лицо не очень... Вроде бы и нос нормальный, и губы не совсем тонкие, глаза, брови — все как у людей, но женщины взгляд на нем не задерживали. Да и характер у Рема стекловатный, так и подмывало уколоть маму. В салоне стерильная чистота, на светлых сиденьях ни шерстинки, а куртка на нем несвежая, и джинсы уже забыли запах стирального порошка. Так и хотелось спросить, а не испачкает ли он салон. Но Рем давно уже научился сдерживать нервные порывы, хотя в некоторых случаях это давалось ему с большим трудом. Знала бы мама, как глубоко в нем сидит непроходящая обида. Впрочем, она догадывалась.

Салон в машине просторный, можно ехать вытянув ноги, но сиденья в заднем ряду разделены консолью с подлокотниками, подстаканниками, так просто голову на соседское плечо не положишь. Рем всем подсознанием ощутил мысленный вздох облегчения со стороны мамы, с такой перегородкой она имела законное право ехать не обнимая сына... А может, подсознание обманывало его, потому что у него такой же вредный характер. По отношению к матери. И даже к бабушке, которая в свое время не смогла удержать маму, отпустила ее в Москву.

И еще бабушка предала Рема: мама позвала ее к себе, и она уехала, бросив все, в том числе и внука. Не звала, не звала, а как овдовела, так любовь вдруг проснулась и к сыну, и к мате-

ри. Но Рем не уехал. Хотя бы потому, что мама и слышать ничего не хотела о женщине, с которой он жил. А Раису мама в Москву звать и не собиралась. И все потому, что Раиса старше Рема на десять лет. И все потому, что она заменила ему мать...

Раису похоронили в Пензе, а бабушка лежит здесь, в Москве, на Кунцевском кладбище. Не пошла Москва ей на пользу, и лучшая в стране медицина не помогла. Второй год Рем без одной мамы и первый — без другой. А на кладбище приехал с третьей. И эта мама не собиралась умирать, хотя и думала о смерти.

— Памятник скромный пока поставила... — вроде как оправдываясь, сказала она.

Памятник гранитный, с гравировкой портрета и эпитафией: «За все спасибо».

Может, и не самый большой памятник, но Рему год без еды работать, чтобы такой поставить. А еще кованая беседка с крышей, очень удобно: дождь идет, ни на кого не капает, даже на телохранителя, который стоит в сторонке, оглядываясь для вида. Не угрожает маме никакая опасность, он это знает, поэтому не чувствуется в нем напряжения.

— Как умрем, так на всех и поставим, — притворно вздохнула она.

Рем косо глянул на нее. Участок за оградкой большой, на троих как минимум хватит. И еще он понял, кого мама имела в виду, — и сама лечь здесь собиралась, и Рема с собой прихватить.

— Торопиться не будем, — поспешила добавить она.

Но Рем цокнул языком. С ней-то понятно, рядом с покойным мужем места нет, там первая жена лежит, для детей место припасено. Ну так и Рем себе место определил. Служба у него опасная, и ножом его били, и стреляли в него, один раз с того света еле вытащили, спасибо Раисе, сидела, держала его за руку, не позволила перейти последнюю черту. Раисы больше нет, но пытаться убить его будут и дальше, так что зарекаться просто смешно. И если вдруг что случится, похоронить его должны рядом с Раисой, других вариантов не существует. Но с мамой об этом лучше не говорить, она ведь может воспользоваться его беспомощностью и сделать по-своему. Тьфу-тьфу-тьфу! И ведь воспользуется. Тьфу-тьфу...

— Что я не так сказала?

— Там все равно, где ты будешь здесь. — Рем повел головой по сторонам, посмотрел вверх, указал взглядом под ноги.

Хорошо там или нет, но уж всяко лучше, чем здесь. Если не за кого держаться. А Рем здесь совсем один. Мама не в счет, может, он ей и нужен, но без него она точно не пропадет. Она уже сейчас готова похоронить сына, даже место присмотрела.

— Не надо все равно! — мотнула она головой. — Надо жить!.. Не хочешь со мной работать, не надо. Место у тебя спокойное, будешь тихо-мирно служить.

— Какое место? — повел бровью Рем.

Пока что он поступал в распоряжение Главного управления МВД по городу Москве, конкретное место службы еще не определено. Или уже?.. Мама и в паспортный стол могла устроить. У нее все получается, за что ни возьмется. В молодости, правда, слегка не задалось, сын случайно все планы спутал, но ничего, она исправила ошибку. И замуж вышла, и овдовела вовремя, и торговый центр в наследство получила. Интернет-торговлю сама уже, без мужа осваивала, и ведь получилось... Рему бы поучиться у матери, но коммерция его не интересует. Ему в этой жизни интересно только одно, этим он и будет заниматься, и в принципе все равно, будет его поддерживать мама или нет. И на Камчатке преступность водится, отправят туда, воспримет как должное, там и уйдет в работу с головой.

— Мне сказали, спокойное!.. Какой-то новый отдел, поднимают и расследуют старые дела, бегать с пистолетом, сказали, не придется... Или лучше все-таки ко мне? — спросила мама, хотя знала ответ.

— Ты знаешь, какие у меня планы, — качнул головой Рем.

— Видишь, мама, какой у тебя упрямый внук! — на выдохе произнесла она, обращаясь к бабушке.

— Даже хуже.

Рем хорошо помнил, как сходил с ума на зло матери, доставляя бабушке массу хлопот. В шестнадцать лет как с цепи сорвался, связал-

ся с плохой компанией, иной раз волосы дыбом становятся, как вспомнишь, что творил. За самый край цеплялся, когда в его жизни появилась Раиса, она и обогрела, и за ум заставила взяться. Из армии дождалась. Рем вернулся, два года ходил, озирался, не всплывут ли старые грехи, но все обошлось. И в полицию взяли, сначала в патрульно-постовую, потом в уголовный розыск, младшего лейтенанта присвоили, когда в юридический на заочный поступил. Раиса умела уговаривать, да он и не сопротивлялся, потому что очень ее уважал. И хорошо жили, душа в душу...

— Но все будет хорошо, я обещаю! — пафосно сказала мама.

Она взяла Рема под руку, и так захотелось оттолкнуть ее. Он даже сам не понял почему. Как будто бес какой-то дергал его за ниточки. Никогда Рем не простит свою мать, но ему известно, что такое хорошо и плохо. Жаль, что жизнь его этому научила, а не родители.

— Тебе пора, — сквозь зубы сказал он.

— Ты же не будешь здесь ночевать?

Рем глянул на железную скамейку, дождь капал с крыши на перила оградки, брызги разлетались, сиденье мокрое. Да и холодно уже, начало ноября, сегодня дождь, завтра пойдет снег. И все-таки Рем смог бы переночевать здесь, если понадобится. Неприхотливый он и в мире неудобств, от которого открестилась мама, чувствует себя очень даже комфортно. Но спать он сегодня будет в гостини-

це. И адрес у него есть, и койка в двухместном номере забронирована, всего три тысячи рублей в сутки. Большие деньги для семейного человека, но Рем с недавних пор холостяк, ему много не нужно. Денежное довольствие с надбавками плюс квартиру в Пензе сдавать будет, если здесь нормально устроится, да он практически богач.

— За меня не переживай.

— Кто-то же должен за тебя переживать!

— Раньше надо было.

Мама ничего не сказала, только обиженно поджала губы. И ушла. В дождь. В комфорт своего роскошного дома где-то на Рублевке, там светло, тепло и сухо, там ей хорошо и уютно, но там нет и не было места для Раисы, а значит, и Рему туда и не нужно. Да он в общем-то и не рвался.

ГЛАВА 2

Ветер с размаха швырял в стекло замороженные капли дождя, ледяной рукой дергал за подоконник, от окна дуло — тюль вздымался, как грудь человека, жадно хватающего ртом воздух. Ночь за окном, холод, непогода. И неизвестность. А в душе тоска. Плохо без Раисы, никто слова доброго не скажет, не прижмет голову к пышной груди, теплыми ласковыми пальцами снимая тяготы прошедшего дня. Завтра утром Рем проснется в полном одиночестве, злой, невыспавшийся, попробует представить, что Раиса на смене, но здесь, в Москве, это точно не сработает. Здесь Раиса не работала, здесь ее убили, здесь она умерла. Рем побывал сегодня на месте, где все произошло, почувствовал ее боль и страх. Жизнь подарила ей надежду, и вдруг удар в спину под ребро. Она даже не увидела своего убийцу, просто поняла, что все. И умерла. Кому-то на радость...

К родным Бутова Рем не ходил, без удостоверения к матери убийцы лучше не соваться, но у него все впереди. След заказчика уже остыл, но

не исчез. Потихоньку, не спеша Рем возьмет его и выйдет на главного злодея, если он существует.

— Внимание! Пожарная тревога! Всем срочно покинуть помещение!

Женский голос в динамиках звучал по-будничному устало, не чувствовалось в нем тревоги, а со скуки захотелось вдруг чего-нибудь остренького. Совсем не обязательно сгорать заживо, а от огня побегать неплохо бы. А может, повезет спасти кого-нибудь. Рем не чувствовал в себе призвания помогать людям, просто по долгу службы обязан, а свою работу он уважает. Раиса научила любить и уважать все, чем занимаешься по жизни.

— Как думаешь, горим? — не отрывая глаз от смартфона, спросил сосед по комнате, невзрачный мужчина средних лет. — Или шутки шутят?

Он лежал на кровати, левая рука на груди, правая между бедром и стеной, в ней смартфон, от которого к уху тянулся провод. Рем даже не знал, ролики сосед смотрит или тексты читает, возможно, и то и другое, палец время от времени скользил по дисплею. Иногда мужчина улыбался, как будто увидел что-то веселое. Чем бы ни тешился, лишь бы водку пить не звал.

— Узнаем.

Поднимаясь с кровати, сосед продолжал смотреть в телефон, но экран погас, когда он сел. Как будто нарочно отключил, чтобы Рем ничего не увидел.

Мужчина вроде бы одет по-домашнему, черный спортивный костюм на нем: брюки, тол-

стовка с капюшоном. В номере тепло, а куртка не летняя. Обратил Рем внимание, как мужчина обувался. Достал из кармана маленькую ложку, надел кроссовки, не расшнуровывая их. Обулся, сунул ложку в один карман толстовки, телефон — в другой, наушник не снял, в нем и вышел в коридор. Мало кто из постояльцев принимал тревогу всерьез, но люди все же выходили из номеров, медленно, как зомби, шли к лестнице.

— Точно, ложная тревога, — сказал сосед.

И уже на лестнице предложил выйти на улицу покурить. Похлопав себя по карманам, нахмурился:

— Сигареты забыл!

Хлопнул по карману и Рем.

— У меня есть!

— Ну нет, я только свои!.. Ты иди, я сейчас!

Курить в гостинице запрещалось везде, даже на балконе, если приспичило, спускайся на первый этаж, комната там небольшая, но вентиляция серьезная. Трое стоят курят, дым от сигарет отрывается медленно, затем движение его ускоряется, и он быстро втягивается в отверстия под потолком.

Рем выкурил сигарету, а сосед так и не появился, он вернулся в номер, его там нет, видно, во двор вышел покурить, там тоже курилка. Через полчаса появился расстроенный, уныло глянул на Рема, лег на кровать, включил смартфон. А волосы сухие, хотя на улице дождь.

Рем не знал, как зовут соседа, откуда и зачем он в Москве. Мужчина почти не реагировал на него,

когда он располагался в номере, лежал на кровати да пялился в свой смартфон. Слегка оживился, увидев китель с лейтенантскими погонами, когда Рем вытаскивал из сумки, спросил, как давно он служит, на этом все. Рем отгладил форму, повесил на плечики в шкаф, принял душ, лег, но сосед с ним не заговаривал, да он и не напрашивался. И сейчас не очень-то хотел с ним знакомиться. И уж тем более отвечать на появившиеся к нему вопросы.

Действительно, странно, обувную ложку мужчина с собой взял, а сигареты в номере оставил. Хотя пачка и оттопыривала карман. Что-то похожее на пачку, такое же прямоугольное, но меньших размеров. И бумажник просматривался, документы и деньги сосед держал при себе. И в шкафу только вещи Рема. В соседской тумбочке пусто, и в ванной никаких вещей, ни бритвы, ни щетки, ни зубной пасты. Бутылочку воды мужчина держал в сумке, попьет, положит, снова возьмет.

Перед сном сосед полез в сумку, долго копался, вынул оттуда внушительных размеров несессер, взял полотенце, смену белья и скрылся в ванной. Свое полотенце взял, хотя в ванной целая стопка такого добра, даже халат имелся. Смартфон мужчина унес с собой. Ничего не оставил, только сумку. А там только бутылочка с водой. И ничего подозрительного.

Рем не поленился сходить вниз, купил в кафе такую же бутылочку воды, принес в номер, попил, поставил на тумбочку. После душа сосед раз-

делся, забрался под одеяло, в телефон больше не пялился, но провод из уха не вынимал, так с ним и заснул. Вроде бы ничего необычного, но за все время мужчина ни разу не вышел из номера, чтобы покурить. Да и табаком от него не пахло. Рем курильщик со стажем, но даже он заметил отсутствие запаха.

Утром сосед отправился в ванную побриться, почистить зубы, Рем воспользовался моментом и подменил бутылки, чужую завернул в целлофановый пакет и спрятал в карман куртки.

Он собирался ехать на Петровку в управление кадров. Мама говорила что-то про отдел по расследованию старых дел, но конкретно ничего не сказала, да он и не просил, потому что собирался пройти по инстанциям вниз от главка до отдела. В фойе гостиницы Рем столкнулся с Матвеем, мужчина стоял так, что Рем при всем желании не мог его обойти или незаметно повернуть назад.

— Рем Алексеевич, у меня приказ доставить тебя к месту службы!

— Скажи, что доставил, — одними губами улыбнулся Рем.

— Да будь ты человеком! — заартачился водитель, он же телохранитель. — У меня же тоже служба!

Рем усмехнулся, иронию вызвало представление этого типа о службе. Но в машину он все-таки сел. В конце концов, Матвей ни в чем не виноват, и Рем не девочка, чтобы изображать из себя недотрогу.